

стого и примѣнимая *сегодня*, и есть — проповѣдь этическихъ началъ въ жизни и дѣятельности человѣка, началъ этическаго долга.

Онъ самъ говорить въ статьѣ «о назначеніи искусствъ и наукъ»: «И понятно, почему дѣятели нынѣшней науки и искусства не исполняли и не могутъ исполнить своего «призванія»: они не исполняютъ его потому, что *они изъ обязанностей сдѣлали одни права...*» И далѣе: «...Дѣятельность научная и художественная, въ ся настоящемъ смыслъ, только тогда плодотворна и истинна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ одиѣ обязанности...» «Мыслитель и художникъ никогда не будутъ спокойно сидѣть на олимпийскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать... Не тотъ будетъ мыслителемъ и художникомъ, кто воспитается въ заведеніи, гдѣ будто бы дѣлаются ученыхъ и художниковъ, и получить дипломъ, а тотъ, кто и радъ бы не мыслить и не выражать того, что заложено ему въ душу, но не можетъ не дѣлать того, къ чему влекутъ его двѣ непреодолимыя силы: внутренняя потребность и требованіе людей...» «...Духовная дѣятельность есть самое тяжелое призваніе человѣка,— крестъ, какъ выражено въ Евангеліи...» «...Да, дѣйствительно,— пора опомниться и оглянуться на себя. Вѣдь мы ничто иное, какъ книжники и фарисеи, сѣвшіе на сѣдалище Моисея, и взявши ключи отъ царства небеснаго, и сами не входящіе, и другихъ не выпускающіе...»! Гр. Толстой видитъ и указываетъ намъ на слабую сторону своей прежней дѣятельности — и въ то-же время на нашу общую слабость: мы обожаемъ себя — дурной признакъ! Писатели, мы, сидя на олимпийскихъ высотахъ, любуемся страницей только что конченной нами; художники, мы любуемся произведеніемъ только что вышедшимъ изъ подъ кисти нашей; ораторы, мы любуемся логическимъ построениемъ нашей рѣ-